

S E R I E S M I N O R

И. СУРАТ, С. БОЧАРОВ

ПУШКИН

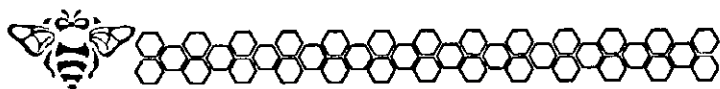

и давай! Родина А. П.

КРАТКИЙ ОЧЕРК
ЖИЗНИ
И ТВОРЧЕСТВА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

И. СУРАТ, С. БОЧАРОВ

ПУШКИН

КРАТКИЙ ОЧЕРК
ЖИЗНИ
И ТВОРЧЕСТВА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2002

ББК 83.3(2Рус Рус)1

С 90

Сурат И., Бочаров С.

С 90 Пушкин: Краткий очерк жизни и творчества.
М.: Языки славянской культуры, 2002. 240 с.
(Studia philologica. Series minor).

ISBN 5-94457 032 6

Книга экспериментальная: это опыт сжатой творческой биографии Пушкина, которая бы позволила охватить единым взглядом его жизненный и поэтический путь. Пользуясь привычной формулой «жизнь и творчество», авторы очерка стремятся представить подвижную картину непрерывных взаимопереходов биографии и поэзии, образующих вместе пушкинскую творческую судьбу. Общая сверхзадача очерка — дать материал к пониманию проблемы жизнеописания художника, его внутренней биографии, одной из нерешенных проблем филологической науки.

ББК 83.3(2Рус-Рус)1

*В оформлении обложки использован
пушкинский автопортрет в образе Данте, 1835 1836(?)*

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G.E.C. GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G.E.C. GAD.

ISBN 5-94457-032-6

9 785944 570321 >

© И. Сурат, С. Бочаров, 2002

© Ю. С. Саевич. Оформление
серии, 2000

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Содержание

От авторов	7
Лицей — Михайловское (1811—1826)	11
Михайловское — Болдино (1826—1830)	73
Тридцатые годы	142
Указатель произведений Пушкина	221
Указатель имен	230
Автографы и рисунки Пушкина	238

От авторов

Этот очерк сложился непреднамеренно: авторы писали энциклопедическую статью о Пушкине для 5-го тома биографического словаря *Русские писатели. 1800—1917* и в ходе ее написания вышли за энциклопедические рамки. Однако ограничения, предписанные строгим жанром, продолжали служить нам стимулом: ограничения побуждали плотнее собрать наш взгляд на явление Пушкина, чтобы дать его в картине компактной и цельной и не утратить при этом ни полноты картины, ни драгоценных подробностей. Хотелось так сконцентрировать и материал и мысли, чтобы можно было охватить «жизнь и творчество» Пушкина единым взглядом.

Получившийся текст тем не менее сохраняет характер расширенной энциклопедической статьи и ряд ее внешних признаков, *которые без труда заметит читатель.*

Идеальная задача жизнеописания художника — приблизиться к пониманию его внутренней биографии, его судьбы и смысла пройденного им пути; по отношению к Пушкину такая задача была осознана еще первым его биографом П. В. Анненковым, но современное пушкиноведение мало ею озабочено. Именно эта идеальная и заведомо неисполнимая задача руководила авторами настоящего очерка — и там, где отслеживается фактическая сторона биографии Пушкина, и там, где дается описание мира его поэзии. «Жизнь и творчество» — формула привычная и неизбежно верная, но не как соединительная конструкция. Поэт — существо особое, он живет не как все. Он удваивает свою жизнь словом, заключает ее в слово, и слово становится его

судьбой. Только в этом смысле и можно говорить, что стихи поэта — это и есть его биография, его настоящая жизнь.

Жизнь и творчество» в таком понимании — это формула не раздвоения бытия поэта (хотя бы и сам Пушкин рисовал нам такую картину в стихотворении «Поэт»), а его удвоения в творчестве. Вот основа подхода к Пушкину в настоящем очерке. Мы пытались по мере сил рассмотреть, как ведущие линии пушкинской жизни проходят сквозь дело поэта, слово поэта, которое и обращается в первейшее свидетельство о его судьбе.

У Пушкина в ключевые годы были два высказывания, которые хочется соотнести. В обоих действуют два начала — душа и творчество, душа и лира. В 1825 г. в разгар работы над «Борисом Годуновым» сказаны такие слова в письме Н. Н. Раевскому: «Я чувствую, что душа моя достигла полного развития, я могу творить». Способность творить имеет условием человеческое развитие, зрелость души. А в предсмертном «Памятнике» явилась таинственная формула — «душа в заветной лире»; эта столь необыкновенная душа поэта бессмертна, переживет его прах. «Душа в заветной лире» в итоге пути явилась неразложимым сочетанием, неразложимым поэту памятником, неразложимым его бессмертием религиозным и поэтическим. Посмертный союз души и творчества стал последним пушкинским откровением.

Недавно можно было прочесть в статье авторитетного филолога: «Мы не хотим признаться себе, что душевный мир Пушкина для нас такой же чужой, как древнего ассирийца или собаки Каштанки»¹. М. А. Гаспаров этими вызывающими сравнениями нанес удар по нашей иллюзии легкого понимания Пушкина, что оправданно и полезно, — но и поставил под радикальное сомнение возможность прямого читательского общения с Пушкиным (а не только филологического его изучения). Но тем самым он оспорил и самого

¹ М. А. Г а с п а р о в. Критика как самоцель // Новое литературное обозрение. № 6 (1994). С. 9.

Пушкина — автора «Памятника . Пушкин все же именно душу» послал нам в заветной лире» и верил, что в такой оболочке — в поэтическом слове — она до нас дойдет. В предлагаемом очерке мы исходим из убеждения, что душевный мир Пушкина нам не такой чужой, как в эпатирующем описании филолога, и что можно человеческий голос Пушкина слышать «в его божественных стихах», как того хотела Ахматова.

И. Сурат, С. Бочаров
27 июля 2001 г.

ЛИЦЕЙ — МИХАЙЛОВСКОЕ (1811 — 1826)

ПУШКИН Александр Сергеевич [26. 5 (6. 6). 1799, Москва — 29. 1 (10. 2). 1837, Петербург] — поэт. Отец — Сергей Львович Пушкин, мать — Надежда Осиповна Пушкина, урожденная Ганнибал. Родители состояли в троюродном родстве и принадлежали к старинному роду Пушкиных, сыгравших заметную роль в русской истории. Сам поэт возводил свой род к прусскому выходцу Ратше, попавшему в Россию, по мнению Пушкина, во времена Александра Невского («Начало автобиографии»), 1834 — XII, 311²), а по уточненным данным — в XII в. Прадедом Пушкина по материнской линии был Абрам Петрович (Ибрагим) Ганнибал, сын абиссинского князя, вывезенный мальчиком из Африки; воспитанник и любимец Петра I, он вошел в силу при императрице Елизавете, а дети его породнились с древними русскими родами. Пушкин всегда чувствовал за собой этот многовековой родовой шлейф и оглядывался на него, считая «уважение к мертвым прадедам» («Опровержение на критики»), 1830 — XI, 161) основой личного достоинства дворянина (см., например «Моя родословная», 1830).

² Ссылки на тексты Пушкина даются по большому Академическому собранию сочинений в 17 томах (Изд-во АН СССР, 1935—1959).

Пушкин родился в Москве в доме Скворцова на углу современных Малой Почтовой ул. и Госпитального пер.³, где его небогатые родители снимали квартиру. Рос Александр вместе со старшей сестрой Ольгой и младшим братом Львом, летом семья выезжала в подмосковное Захарово, имение бабушки Пушкина по материнской линии Марии Алексеевны Ганнибал. Она приобщила Пушкина к семейным преданиям и вместе с няней Ариной Родионовной открыла ему мир русской народной поэзии (см. об этом в стихотворении Сон (Отрывок)⁴, 1816, где бабушка и няня слились в едином образе). Отец Пушкина, коллежский асессор в отставке⁵, был не чужд литературных интересов, писал стихи, дядя Василий Львович Пушкин слыл известным поэтом, в доме бывали В. А. Жуковский, Н. М. Карамзин (малолетний Александр, по воспоминаниям отца, «вслушивался в его разговоры и не спускал с него глаз»⁵) — все это с детства вовлекло Пушкина в круг современной словесности. У него возникла «охота к чтению» («Программа автобиографии»), 1830 (?) — XII, 308), которую он удовлетворял в библиотеке отца, читая преимущественно французских авторов XVII—XVIII вв., а также античных и других классиков во французских переводах. Его первые поэтические опыты на французском языке, дошедшие до нас в передаче сестры Ольги, относятся к 1809—1811 гг.

Беспорядочное домашнее образование сменилось обучением в Царскосельском Императорском Лицее, куда Пушкин поступил в 1811 г. при ходатайстве Александра Ивано-

³ С. К. Романюк. Пушкины в Москве в конце XVIII — начале XIX века // Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л., 1982. С. 7.

⁴ Уточнено в ст.: С. К. Романюк. К биографии родных Пушкина Временник Пушкинской комиссии. Вып. 23. Л., 1989. С. 13.

⁵ Биографическая заметка отца поэта, С. Л. Пушкина // Огонек. 1927. № 7. С. 1.

вича Тургенева. Лицей, размещенный в летней царской резиденции, задумывался как привилегированное учебное заведение, в котором воспитывались бы вместе со сверстниками великие князья, младшие братья Александра I впоследствии этот проект был отвергнут, однако непосредственная близость ко двору влияла на сознание лицейстов⁶ Пушкин рос «среди святынь воспоминаний» (Воспоминания в Царском Селе, 1829), военных памятников Царского Села и чувствовал себя в центре всей европейской истории: «Чему, чему свидетели мы были! / Игналища таинственной игры, / Метались смущенные народы; / И высились и падали цари...» («Была пора: наш праздник молодой...», 1836) Его историческое и патриотическое сознание сформировалось как будто враз, в те дни, когда мимо лицейских стен текла за ратью рать — на войну с Наполеоном.

Образование в Лицее давалось не слишком глубокое и не вполне систематическое, приоритет отдавался гуманитарным дисциплинам, наибольшее воздействие на Пушкина оказали блестящие лекции либерально настроенных профессоров А. П. Куницына (нравственные и политические науки) и А. И. Галича (российская и латинская словесность). Учился Пушкин неровно, оценки имел по большей части невысокие; в характере его преподаватели отмечали добродушие и впечатлительность в сочетании с резкостью, вспыльчивостью, обостренным самолюбием. В Лицее определился круг пушкинских друзей, из которых наиболее близкими стали Антон Дельвиг, Иван Пущин, Вильгельм Кюхельбекер. Жизнь воспитанников текла изолированно от внешнего мира — отсюда в лирике этих лет устойчивый образ лицея-монастыря. Общекультурный кругозор и литературные пристрастия

⁶ О замысле Лицея, предназначенного для формирования государственных людей нового типа», но в результате ставшего колыбелью новой русской поэзии, см.: М. Н. Виролойнен. Структура культурного космоса русской истории // Пути и миры русской культуры. СПб., 1994. С. 35—38.

Пушкина формировались не столько в учебных классах, сколько в свободных занятиях и чтении («В те дни, когда в садах Лицея / Я безмятежно расцветал, / Читал охотно Апулея, / А Цицерона не читал...» — «Евгений Онегин», глава восьмая, строфа I). Годы, проведенные в Лицее в кругу любимых друзей, впоследствии вспоминались и воспринимались Пушкиным как самые счастливые в жизни. И если глубокая родовая память всегда активно присутствовала в его личном и творческом сознании, то место непосредственно семейной памяти и детского семейного дома занял Лицей.

Царивший в Лицее культ творчества способствовал развитию пушкинского поэтического дара. Испытывая воздействие Батюшкова и Жуковского, Парни и Вольтера, Пушкин стремительно продвигался по пути творческого самоопределения. За шесть лицейских лет он опробовал различные литературные традиции и маски, писал стихи в антологическом духе, в духе французской легкой поэзии, стихи оссианического толка, официально-патриотические оды, унылые элегии, дружеские послания, эпиграммы — и через эти традиционные жанры и заимствованные стили все сильнее пробивался собственный поэтический голос.

Публичное вступление на поэтическое поприще и настоящее признание совместились для Пушкина в знаменательном событии: на лицейском экзамене 8 января 1815 г. он прочитал в присутствии Державина высокую патриотическую оду в державинском духе — «Воспоминания в Царском Селе» (1814). «Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...» — рассказал об этом Пушкин в мемуарном отрывке «Державин» («Table-Talk», 1835—1836 — XII, 158). Именно эту символическую передачу лиры, а не первую публикацию стихотворения 1814 г. «К другу стихотворцу» («Вестник Европы». 1814. Ч. 76. № 13. С. 9—12, с подписью «Александр Н.к.ш.п.»), Пушкин считал началом своей творческой биографии («К Жуковскому», 1816; «Евгений Онегин», глава восьмая, строфа II). «Воспоминания в Царском Селе» —

поэтическое воспоминание о веках русской славы, которые пятнадцатилетний отрок принимает в Царскосельском парке как свое наследство; в этой юношеской оде впервые полно-весно заявлена Пушкиным личная патриотическая тема.

Первые опыты большой формы Пушкину не удалось: антиклерикальная поэма «Монах» (1813), пародирующая эпизоды жития Иоанна Новгородского, осталась незавершенной, как и поэма «Бова» (1814) по мотивам лубочных сказок о Бове-королевиче. Принадлежность Пушкину обсценной поэмы «Тень Баркова» (1814—1815) не может считаться окончательно доказанной.

Одно из наиболее значительных произведений лицейской лирики — послание «Городок (К***))» (1815); оно написано по образцу послания Ж.-Б.-Л. Грессе «Обитель» и «Моих пенатов» Батюшкова, обращено к условному адресату и построено на популярных у поэтов карамзинского круга гораццианских мотивах бегства от городской суеты, не имевших опоры в реальности пушкинской лицейской жизни, однако эти традиционные мотивы Пушкин наполняет живыми бытовыми подробностями, населяет пространство стиха множеством литературных героев и авторов разных эпох и предвосхищает в легкой поэтической игре серьезные темы своей поздней лирики (ср. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», 1836; «Вновь я посетил...», 1835):

Не весь я предан тленью;
С моей, быть может, тенью
Полунощной порой
Сын Феба молодой,
Мой правнук просвещенный,
Беседовать придет
И мною вдохновенный
На лире вздохнет.

Щедрую дань Пушкин отдает в лицейские годы условно-элегическим мотивам неразделенной любви, разочаро-

ванности и ранней смерти (серия элегий 1816 г.), но и здесь сквозь пласты традиционных мотивов прорастают зерна поэтики и художественной философии зрелого Пушкина, пример тому — элегия «Желание» (1816), в которой предваряется поэтическая логика «Элегии» 1830 г. («Безумных лет угасшее веселье...»)⁷.

Наиболее отчетливо индивидуальная пушкинская интонация звучит в посланиях, обращенных к друзьям и близким, наставникам и литературным учителям, в частности — в серии посланий 1817 года, связанных с выходом из Лицея («В альбом Илличевскому», «Послание В. А. Пушкину», «Товарищам», «Кюхельбекеру»). В составе разнородной лицейской лирики они выделяются правдой и конкретностью чувств и тем живым, непринужденным течением поэтической речи, которое вскоре, став характерной чертой большого пушкинского стиля, даст свои плоды в «Руслане и Людмиле», а затем найдет высшее воплощение в «Евгении Онегине».

С момента создания литературного общества «Арзамас» (1815—1818), членами которого были, в частности, Жуковский, Вяземский, В. А. Пушкин, Пушкин вовлекается в борьбу карамзинистов с шишковистами, литераторами архаического направления, участниками «Беседы любителей русского слова» и членами Российской Академии под руководством А. С. Шишкова; полемика с ними нашла отражение в «Тени Фонвизина» (1815), в послании «К Жуковскому» (1816), подписанном «Арзамасец»; формальное вступление Пушкина в «Арзамас» состоялось, по-видимому, в июне 1817 г., от его вступительной речи сохранился лишь отрывок.

В 1816—1817 гг. общение Пушкина не ограничивалось Лицеем. Получив исключительно раннее литературное признание, он вступает в личные отношения с Карамзиным и

⁷ См. об этом: В. С. Непомящ и й. Поэзия и судьба: Над страницами духовной биографии Пушкина. М., 1987. С. 384.

его семьей, дружит с Жуковским, который одним из первых оценил гений Пушкина и уже в 1815 г. назвал его «надеждой нашей словесности», «будущим гигантом, который всех нас перерастет» (письмо П. А. Вяземскому от 19 сентября 1815 г.⁸). В то же время Пушкин попадает в круг царско-сельских гусар, знакомится, в частности, с будущими участниками тайных обществ П. Я. Чаадаевым и П. П. Каверинным и в этой среде приобщается не только к гусарским кутежам, но и к атмосфере свободного умствования.

К началу 1817 г. у Пушкина оформляется замысел первого поэтического сборника (так и не осуществившийся) — уже можно было подводить итоги. За первые творческие годы, подключаясь к различным традициям и поэтическим стилям, он приобрел разнообразный литературный опыт и в своем молниеносном развитии за несколько лет прошел те стадии, которые русская поэзия проходила десятилетиями. Из краткого периода ученичества он в 1817—1818 гг. уверенно вышел на самостоятельный путь.

По окончании Лицея в июне 1817 г. в чине коллежского секретаря, чиновника 10-го класса, Пушкин определяется на службу в Коллегию иностранных дел и поселяется с родителями и сестрой на окраине Петербурга, в Коломне, в доме Клокачева на Фонтанке близ Калинкина моста (ныне д. 185).

После лицейского затворничества Пушкин оказался в центре светской и культурной жизни Петербурга. По словам брата Льва, «его по очереди влекли к себе то большой свет, то шумные пиры, то закулисные тайны. Он жадно, бешено предавался всем наслаждениям. Круг его знакомства и связей был чрезвычайно обширен и разнообразен»⁹. В своем образе жизни в Петербурге в 1817—1820 гг. Пушкин ста-

⁸ В. А. Жуковский. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М.; Л., 1960. С. 564—565.

⁹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 1. М., 1985. С. 50.

рался соответствовать и соответствовал «господствующему тону в обществе»¹⁰ — впоследствии этот образ жизни и этот «господствующий тон» были отстранены и осмыслены им в первой главе «Евгения Онегина». Если в Лицее он довольствовался в основном литературным опытом, то теперь активно и осознанно приобретал разнообразный жизненный опыт — и то и другое в равной мере оказалось востребовано его даром, служило личному становлению и творческому росту. Жизненный опыт, как и круг знакомств, был самого широкого диапазона: Пушкин проводит время в салонах кн. Е. И. Голицыной, А. Н. Оленина, на собраниях литературно-театрального общества «Зеленая лампа» у Н. В. Всеволожского, в доме Н. И. и А. И. Тургеневых, на балах, в дружеских застольях и любовных увеселениях; одним из главных его увлечений становится театр, он часто посещает балетные и драматические спектакли, участвует в борьбе театральных партий, ухаживает за актрисами — театральная жизнь давала полноту душевных и эстетических впечатлений, отвечала потребности поклоняться красоте и таланту.

В количественном отношении пушкинское творчество в это время несколько менее интенсивно. В лирике звучат по преимуществу эпикурейские и вакхические мотивы, утверждается культ сиюминутных наслаждений: «Ах, младость не приходит вновь! / Зови же сладкое безделье / И легкокрылую любовь, / И легкокрылое похмелье!» («Стансы Толстому», 1819). Традиционный образ чаши жизни сводится к чаше наслаждений («...Нам чаша жизни подана! / Еще для нас она полна, / К ее краям прильнув устами, / Мы пьем восторги и любовь...» — «Нет, нет, напрасны ваши пени...», 1819), а любовная тема — к чувственности («Мечтателю», 1818; «Ланса, я люблю твой смелый, вольный взор...», 1819; «Ольга, крестница Киприды...», 1819; «Платонизм», 1819), и лишь одно стихотворение — «Дори-

¹⁰ П. В. Анненков. Материалы для биографии А. С. Пушкина: Факс. изд. М., 1985. С. 44.

да» (1819) — содержит намек на какую-то другую любовь. В целом лирика этого периода освобождается от условности и достаточно точно отражает внешнюю сторону жизни ее автора, который в это время, по собственному его признанию, «уторел в чаду большого света» («Послание к кн. Горчакову», 1819).

Но центральное по силе звучания место в лирике Пушкина 1817—1820 гг. принадлежит политической теме. После Лицея, на волне общественного подъема и брожения умов, он увлекся новыми, витавшими в воздухе социальными идеями, чему способствовало общение с активными деятелями декабристского движения Н. И. Тургеневым, М. Ф. Орловым, Ф. Н. Глинкой, Н. М. Муравьевым, М. С. Луниным. Не будучи членом тайных обществ, Пушкин непосредственно входил в этот круг и даже принимал участие в открытых заседаниях Союза Благоденствия, что и отразил впоследствии в одной из зашифрованных строк «Евгения Онегина» («Витийством резким знамениты...»), документальная точность которой подтверждена воспоминаниями декабриста И. Н. Горсткина¹¹.

Одним из главных эстетических событий в лирике Пушкина петербургского времени, а также важнейшим биографическим событием эпохи его человеческого созревания стала ода «Вольность», предположительно датируемая 1817 г., хотя есть достаточно серьезные аргументы и в пользу 1819 г.¹² Согласно мемуарной легенде, она была наполовину написана в доме братьев Тургеневых на Фонтанке, прилюдно, в комнате с видом на Михайловский замок, дворец императора Павла I, где он был убит в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. Этот эпизод современной Пушкину русской истории становится одним из эпизодов оды, иллюстрирующих результаты беззакония и подводящих к идее необходимого ог-

¹¹ Литературное наследство. Т. 58. М., 1952. С. 158—159.

¹² А. Л. Гришунин. Ю. Г. Оксман о текстах Пушкина // Московский пушкинист. Вып. VI. М., 1999. С. 362.

раничения самодержавной власти Законом, то есть к идее конституционной монархии, которая должна обеспечить народам «вольность и покой» (первое появление этой сдвоенной формулы в пушкинской поэзии). Такая политическая доктрина, внушенная Пушкину, вероятнее всего, Николаем Тургеневым, сама по себе не была радикальной, более того — она была вполне легальной и соответствовала нарождавшимся (а в марте 1818 г. и обнародованным) конституционным устремлениям Александра I. Однако патетический градус «Вольности» был столь высок, аллюзии столь смелы, а назидания, обращенные к верховным властителям, столь решительны, что ода, широко распространявшаяся в списках, воспринималась как революционный антимонархический призыв и потому впоследствии стала непосредственным поводом к высылке поэта на юг. То же происходило и с другими его гражданскими стихами: он был прежде всего поэт, и под его пером политические идеи получали такую публичную поэтическую силу, о какой могли только мечтать породившие эти идеи радикальные умы.

По видимости гражданские стихотворения молодого Пушкина порой противоречат друг другу; так, в послании «К Чудаеву» («Любви, надежды, тихой славы...», 1818) он говорит уже не о конституционной монархии, а об «обломках самовластья», да еще таких обломках, которые станут результатом, в частности, и его собственных усилий («...И на обломках самовластья / Напишут наши имена!»), в «Деревне» (1819) витийствует об отмене крепостного права сверху: «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный / И Рабство, падшее по манию царя...», а в послании «(К Н. Я. Плюсковой)» (1819) переводит на поэтический язык еще один политический проект — внушенный ему Федором Глинкой план возведения на трон императрицы Елизаветы Алексеевны, популярной в кругах умеренной оппозиции: «...Я пел на троне добродетель / С ее приветною красой». Все эти внешние противоречия лежат в сфере политических убеждений, каковых на тот момент у Пушкина просто не

было, но в биографическом и творческом отношении его гражданская лирика петербургского периода достаточно цельно отражает и набранную им поэтическую мощь, и решительное стремление содействовать общественному благу (в сочетании с туманными и заимствованными представлениями о путях его достижения). Главное в этих стихах — не определенная идеология, а сформировавшаяся именно в это время у Пушкина вполне декабристская идея общественного служения в творчестве, которую он называет сейчас своей «тайной свободой» и которая претерпит сильные изменения по мере созревания дара. В неполные 20 лет он осознает себя «эхом русского народа» («К Н. Я. Плюсковой»), еще не вполне отдавая себе отчет в нарастающей тяжести этой принятой на себя миссии.

26 марта 1820 г. ночью Пушкин ставит последнюю помету в черновой рукописи «Руслана и Людмилы», первой большой завершенной его поэмы, ставшей событием в литературе и возбудившей споры в критике. По его утверждению в предисловии ко второму изданию поэмы (1828), она начата еще в Лицее, однако никаких фактических подтверждений этому не найдено; вероятнее, что поэма писалась после февраля 1818 г., когда Пушкин прочел первые восемь томов «Истории Государства Российского» Карамзина, заметно повлиявшей на ее сюжет, наряду с русскими народными сказками и былинами, западноевропейскими рыцарскими романами, русскими сказочно-богатырскими поэмами XVIII в. Смелое сочетание истории и фантастики, фольклора и литературы, эпоса и лирики, героики и эротики, причудливый сюжет, поданный в свободном ироническом повествовании с легкой, но уверенной поступью стиха, с неожиданными отступлениями, переносящими читателя в пушкинскую современность и в лирический мир автора, — все это позволило Пушкину создать на широком многофигурном полотне монументальный и в то же время непринужденно-лирический, фривольно и с юмором модернизированный образ Древней Руси. В этом и состояла не воспринятая критиками содер-

жительность поэмы, обеспеченная новизной ее поэтики. Главное из этой поэтики, что Пушкин взял в свое зрелое творчество, — это принципы и приемы свободного стихотворного повествования, положенные потом в основу «Евгения Онегина»; но и некоторые конкретные описания и интонационные фигуры из «Руслана» непосредственно отозвались в романе в стихах, в «Графе Нулине», в «Полтаве». Поэма, не став этапом внутреннего, душевного развития Пушкина, многообещающе продемонстрировала широкий диапазон его художественных возможностей; именно это, видимо, и оценил Жуковский, подаривший Пушкину свой портрет с надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму Руслан и Людмила, 1820 марта 26, Великая пятница».

В конце июля — начале августа 1820 г. «Руслан и Людмила» вышла в свет отдельной книгой, без пролога, написанного в Михайловском в 1824—1825 гг. по следам нянинских сказок, и эпилога, написанного 26 июля 1820 г. и напечатанного в «Сыне Отечества» (№ 38, 18 сентября) вслед книжному изданию. Это была первая книга Пушкина, между тем критика открыла против нее «ужасную чернильную войну» (письмо А. А. Бестужева сестре от 27 октября 1820 г.¹³) еще до отдельного издания, сразу после предварявших книгу журнальных публикаций. Возмущались элементами простонародности в поэме и сравнивали ее появление с вторжением «гостя с бородою, в армяке, в лаптях» в Московское благородное собрание¹⁴; находили «погрешности против языка», низкие выражения и «мужицкие рифмы»¹⁵ обвиняли автора в

¹³ Памяти декабристов: Сб. материалов. Вып. 1. Л., 1926. С. 20.

¹⁴ А. Г. Глаголев. Еще критика (Письмо к редактору) // Пушкин в прижизненной критике. 1820—1827. СПб., 1996. С. 27.

¹⁵ А. Ф. Воейков. Разбор поэмы «Руслан и Людмила», сочин. Александра Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1820—1827. С. 65—68.